

Мое знакомство съ семьей Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Въ томъ 1862 года мнѣ пришлось поѣхать изъ Петербурга на морское купанье въ Гапсаль.

Этотъ симпатичный городокъ расположенъ на вдающейся въ море косѣ на берегу Балтійскаго моря, и его небольшіе эстонскіе домики стоятъ среди зелени каштановъ, сирени, жасминовъ, жимолости и простыхъ цвѣтовъ, вродѣ Иванъ-да-Марьи, розовыхъ сердечекъ, гвоздикъ и пр.

Прямо съ пароходика, привезшаго насъ изъ Балтійскаго порта, я отправился по предложенію какого-то эстонскаго мальчика, который подхватилъ мой небольшой багажъ, отыскивать квартиру. Черезъ нѣсколько минутъ мой вожатый привелъ меня къ домику, окруженному цвѣтущими кустами; вышла добродушная эстляндка, и послѣ нѣсколькихъ словъ я водворилась за 30 руб. въ сезонъ въ моемъ жилищѣ, состоящемъ изъ 2 комнатокъ и балкона, освѣщеннаго двумя каштанами.

По сосѣдству, отдѣленному отъ меня живой изгородью, стоялъ домикъ немного больше нашего. Одно окно его выходило къ моему балкону; синяя шторка на немъ была всегда спущена, но за этимъ окномъ слышались слабые звуки разбитаго фортепіано. Сначала играли гаммы, а потомъ разучивалась Бетховенская соната. Я сама любила музыку и была молода, почему меня и мучило любопытство узнать, кто мои сосѣдки. Хозяйка моя довольно плохо знала русскій языкъ, да и вообще эстонцы не болтливы.

Но вотъ кто удовлетворилъ мое любопытство. Явился по моему приглашенію курортный докторъ, старый нѣмецъ, жившій въ Гап-

салъ со времени окончанія курса въ Дерптскомъ университетѣ и знакомый, по крайней мѣрѣ, съ половиной курортной публики (другая половина была отвоевана у него болѣе молодымъ элегантнымъ докторомъ).

Послѣ первыхъ докторскихъ разспросовъ о здоровьѣ, о ваннахъ, онъ спросилъ меня, знакома ли я съ моими сосѣдками, и на мой отрицательный отвѣтъ, воскликнулъ:

— Какъ же можно! Вѣдь, это супруга и дочь вашего извѣстнаго писателя—господина Бѣлинскаго!

На другой же день я отправилась съ визитомъ:

Мнѣ отворила дверь юная барышня съ золотистыми волосами, поразительно похожая на тотъ портретъ Виссаріона Григорьевича, который помѣщался тогда при его сочиненіяхъ. На возгласъ ея: „Мама!“ изъ другой комнаты вышла полная, сѣдая дама и очень привѣтливо протянула мнѣ руку. Это была жена Виссаріона Григорьевича, Марія Васильевна Бѣлинская.

Несмотря на то, что видъ у нея казался здоровымъ, ея голова и руки постоянно тряслись; это началось у нея, какъ я узнала впоследствии, послѣ смерти мужа.

Я стала посѣщать семейство Бѣлинскаго, состоявшее изъ его вдовы и единственной дочери Ольги, шестнадцати-лѣтней, тоненькой, миловидной дѣвушки съ очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица, сѣровато-голубыми глазками и золотистыми косами. Жизнь онѣ вели очень скромную, и мы скоро дружески сошлись, совершая вмѣстѣ частыя прогулки по окружающимъ Гапсаль лѣсамъ.

На эти прогулки брались Маріей Васильевной узелки съ провизіей, очень часто приготовленной ея собственными руками.

Марья Васильевна, жившая до замужества гувернанткой въ частныхъ домахъ, была вообще очень добродушна и гостепріимна, но въ характерѣ ея было много педантичности. Такъ, на примѣръ, каждый день въ одно и то же время читались вслухъ ею или Ольгой сочиненія Виссаріона Григорьевича, при чемъ мнѣ часто приходилось присутствовать. Для этого въ садикѣ при дачѣ, гдѣ было мало тѣни, устроили надъ скамейками навѣсъ изъ нѣсколькихъ простынь. И въ часы, назначенные для чтенія или для упражненій Ольги на фортепьяно, прогулки никакъ не допускались.

На дачныя развлеченія, на примѣръ, на музыку на берегу моря или концерты въ Салонѣ, Бѣлинскіе ходили очень рѣдко: да и вообще М. В. не любила отпускать дочь куда-нибудь въ гости. Ольга одѣвалась очень скромно и только по торжественнымъ днямъ надѣвала бѣлое кисейное платье съ голубымъ кушакомъ и большую соломенную шляпу съ голубой лентой, а Марья Васильевна постоянно носила черное, но не любила рассказывать о мужѣ и о прошломъ.

Однажды, во время чтенія въ палаткѣ, простыни внезапно распахнулись и со словами: „Миръ вамъ и я къ вамъ“ вошла небольшого роста особа среднихъ лѣтъ, въ дорожномъ платьѣ. Она нѣсколько сконфузилась, увидавъ постороннюю. Марья Васильевна насъ тотчасъ познакомила; это была ея сестра, Аграѣна Васильевна Орлова, классная дама Московскаго института, прїѣхавшая въ Гапсаль на каникулы.

Съ прїѣздомъ Аграѣны Васильевны наши прогулки по окрестностямъ стали чаще и оживленнѣе. Въ вечеръ на Ивана Купала мы отправились въ сосѣдній лѣсокъ Параленъ, гдѣ была корчма и эстонцы жгли на деревьяхъ смоленыя бочки, плясали и пѣли хоровыя пѣсни. Аграѣна Васильевна была очень живая особа и, видимо, радовалась, что могла отдохнуть въ родной семьѣ отъ своего труда. Она очень любила Ольгу, которая отвѣчала ей тѣмъ же и какъ-то оживилась при ней.

Лѣто прошло незамѣтно, и мы съ сожалѣніемъ разстались другъ съ другомъ. Я обѣщала Бѣлинскимъ навѣстить ихъ на будущее лѣто въ Москвѣ, гдѣ Марья Васильевна была кастеляншей въ Александровскомъ институтѣ. Ея матеріальное положеніе тогда было еще далеко не обезпечено и ей приходилось нести довольно тяжелую обязанность, на которую она иногда жаловалась. Ольга находилась при ней, получая хорошее образованіе, такъ какъ ей преподавали всѣ предметы учителя института, разумѣется, бесплатно.

На слѣдующее лѣто я исполнила данное Бѣлинскимъ обѣщаніе и посѣтила ихъ въ ихъ большой, но неприглядной казенной комнатѣ рядомъ съ кладовой для бѣлья, гдѣ Марья Васильевнѣ приходилось воевать съ прачками. Я осталась у нихъ пить вечерній чай, къ которому пришла и Аграѣна Васильевна, и мы вспомнили наше лѣто въ Гапсаль.

Въ слѣдующемъ году денежныя дѣла Бѣлинскихъ, вслѣдствіе изданія сочиненій Виссаріона Григорьевича, были приведены въ ясность и онѣ уѣхали на годъ за границу. Возвратясь оттуда, онѣ заѣхали ко мнѣ въ Петербургъ и, не заставъ меня дома, оставили мнѣ на память двѣ прекрасныя фотографическія карточки, снятыя въ Венеціи, гдѣ Марья Васильевна изображена полной, величавой дамой, съ сѣдыми волосами, подъ чепчикомъ, а Ольга молодой дѣвушкой въ бархатной шубкѣ и круглой шапочкѣ.

Больше мнѣ не пришлось ихъ видѣть.

Е. Фридрихсъ.

